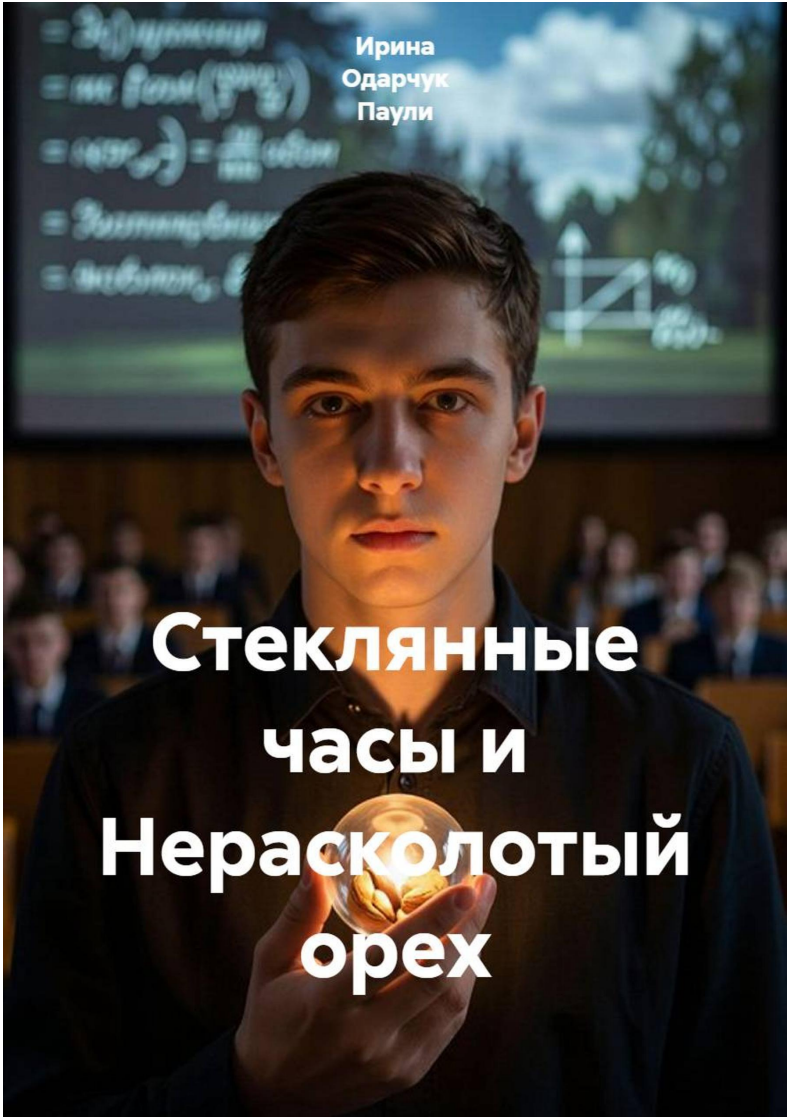
Ирина
Одарчук
Паули
Стеклянные
часы и
Нерасколотый
орех

**Ирина Паули**

# Стеклянные часы и Нерасколотый орех

*https://litres.ru/74952434*
*SelfPub; 2026*

## Аннотация

Сборник объединяет два разножанровых, но глубоко созвучных произведения Ирины Одарчук Паули: поэтический цикл «Стеклянные часы» и мистико-реалистическую повесть «Нерасколотый орех», объединенные темами хрупкости бытия, семейной памяти и преображающей силы правды.

В «Стеклянных часах» через восприятие молодого учёного Асика в день защиты диссертации исследуется граница между земным и вечным. Образ трескающихся стеклянных часов становится мощной метафорой неумолимого времени, внутреннего напряжения и неизбежного перехода от мирских тревог к абсолютному свету и покою.

«Нерасколотый орех» — это пронзительная история взросления шестнадцатилетнего Лёши Горелова. Приехав к умирающей бабушке в Вологду, он получает загадочное поручение: расколоть голыми руками грецкий орех, который, по семейному преданию, хранит родовое проклятие. В череде мистических встреч, вещих снов и неожиданных открытий герой

узнает шокирующую правду о героической гибели отца, учится прощать себя и близких.

# Ирина Одарчук Паули Стеклянные часы и Нерасколотый орех

**Пролог**

Ночь. Город спит, и только стены
Дрожат от внутреннего гула.
Асик лежит, и в жилах стынет
Тяжёлый сон. Ему уснула
Душа под хрусталём звенящим —
То тикают часы из стекла.
Они стоят в углу, как в настоящем,
Но стекло прозрачно, как смола,
Что застывает на стволе.
И в этом звоне — голос смерти,
Но он не слышен на земле,
Покуда спят в своей постели
Все те, кто завтра должен встать.
Асик видит: стекло трещит.
Тончайшей нитью, как печать,
Ложится трещина. Молчит
Весь мир. Но свет из этой щели
Струится тонко, как вино.
И вот уже в ночной купели

Плывёт видение одно:
Он видит смерть. Она глядит
Глазами трещины стеклянной.
И этот взгляд — как медь, как стыд,
Как приговор непостоянный.
Часы звенят. Хрустальный звон
Вползает в уши, в мозг, в висок.
Асик вскакивает, потрясён,
И падает на холодок
Рукой зажатой головы.
Сегодня. Защита. Страшный день.
И трещина в стекле — увы —
Уже легла. Ночная тень
Ушла, но звон остался в теле,
Как будто стекла зазвенели
В его костях. Он смотрит в щель
Рассвета. Там, в чужом пределе,
Часы стеклянные поют
О том, что скоро. Что уже.
И стрелки медленно ползут
По замкнутой своей меже.

**Часть первая**

Асик — учёный. Не пророк,
Не гений, нет. Обычный малый,
Который восемь лет берёг
Свою идею. В час усталый

Он над столом склонялся, спину
Ломая над листом бумаги.
Он изучал одну лавину
Молекул — в химической отваге
Искал закон, что свяжет всё:
Распад, сцепленье, переход.
Его диссертация — не плёс
Пустых амбиций, а восход
Над пепелищем старых догм.
Но в этом и заключался гром.
Он шёл по коридору. Стены
Смотрели вслед. И в каждой — трещина.
Он видел: стекла входят в вены
Домов. И это было вещею
Приметой. В аудитории пустой
Он сел за стол. Часы над дверью
Тик-так. Тик-так. Стеклянной тьмой
Звенели стрелки. Он не верил
В приметы. Но стекло трещало
В его груди. И это жало
Росло, как трещина в ночи.
Защита длилась три часа.
Вопросы падали, как камни.
Оппонент хмурился. Оса
Научной зависти над нами
Кружила. Но Асик отвечал —

Спокойно, твёрдо, как стекло,
Что ещё цело. Он вручал
Свои идеи тяжело
И точно. И когда совет
Ушёл считать, в стеклянный свет
Он погрузился. Звон стоял
В ушах. И трещина росла.
Он видел: свет уж вытекал
Из щели тонкого стекла.

**Часть вторая**

Совет вернулся. Голоса
Легли, как гири. Тишина
Была стеклянной. Полчаса
Решали. И его стена
Дрожала. Наконец: «Единогласно».
И он — кандидат. Но почему
В его груди так пусто, ясно,
Так холодно? Сквозь пелену
Он слышал поздравленья. Руки
Пожали. Кто-то говорил
О вкладе в науку. Звуки
Плыли, как в вате. Он был бел,
Как мел. И трещина в часах
Уже зияла. Свет из щели
Струился вниз. В его глазах
Стеклянный звон. И в самом деле

Он видел: смерть стоит в углу.
Она вошла в стеклянный звон,
Как входит вечер в полумглу.
И с этой встречи — он сражён.

**Эпилог**

А после — тишина. И земля.
И сырость. И стеклянный звон
Внизу, в могиле. Там, где тьма,
Часы идут. Со всех сторон
Они тикают. Стекло
Не пропускает свет небес.
Но в рай, где всё уже прошло,
Они проводят. Весь исчез
Тот мир, где защищённый труд
Был важен. Мир сказал: «Хорош».
И позабыл. Миры живут
Не памятью. Но всё ж
В земле сырой стеклянный ход
Не прекращается. Часы
Ведут его через восход
В тот рай, где нет уже слезы.
Где нет защиты. Нет стекла.
Есть только свет. И он — был.
Трещина свет пропустила. Мгла
Ушла. И звон в груди остыл.

## Пролог

Орех лежал на ладони мальчика. Обыкновенный грецкий орех, в морщинистой скорлупе, с острым носиком и тупым пупком на другом конце. Леша Горелов сжимал его так сильно, что костяшки побелели. За окном автобуса тянулись березки — такие же серые, как ноябрьское небо над трассой М-8.

Он вез этот орех из Москвы в Вологду, в кармане куртки, завернутым в носовой платок. Бабушка сказала по телефону: «Привези. Если сможешь расколоть — значит, судьба. Не сможешь — значит, не время».

Леше было шестнадцать. Он не верил ни в судьбу, ни в орехи. Но бабушка верила, а бабушка умирала. У нее был рак поджелудочной, третий, уже неоперабельный. И этот орех — последняя просьба.

Автобус тряхнуло, и орех выскользнул из пальцев. Покатился по полу, между грязных кед и дамских сапог. Леша бросился за ним, больно стукнулся коленом о поручень, но поймал. Поймал у самых дверей, когда автобус уже тормозил на его остановке.

«Приехали», — объявил водитель.

Дождь. Серый, мелкий, вологодский. Леша вышел на площадь с автовокзала и понял, что забыл зонт. Намотал шарф потуже — шарф был мамин, из ангоры, и чесался. Вдохнул. Город пах мокрым асфальтом, жареными пирожками из ларька и чем-то еще, неуловимым: то ли льном, то ли яблоками антоновка, то ли старым деревом.

До бабушкиного дома — два квартала. Два самых длинных квартала в его жизни.

## Глава 1. Скорлупа обычая

Бабушка жила в деревянной двухэтажке на Советском проспекте. Дом был 1912 года постройки, с резными наличниками и крыльцом, которое просело вправо, как корабль, берущий крен. Леша любил этот дом летом — когда пахло малиной и нагретыми досками, а в щелях пола спали сонные шмели. Зимой дом казался живым существом: скрипел, вздыхал, выл печными трубами.

Сейчас была осень. Ноябрь. Дом молчал.

Леша поднялся на второе крыльцо (первое сгнило окончательно, и сосед дядя Витя прибил доску поперек — «запасной вход»). Дверь не заперта. Запах — лекарства, капустный суп, нафталин и свежее варенье. Кто-то варил варенье? В ноябре?

— Бабуль? — позвал он тихо.

Из глубины коридора ответил голос — не бабушкин, чужой. Низкий, с хрипотцой, женский, но какой-то... прокуренный, что ли.

— Проходи, Лёшенька. Ждём.

Он прошел на кухню. Остановился в дверях.

За столом сидела женщина. Лет пятидесяти, в ситцевом халате в розочках, с папиросой в зубах. Волосы крашенные — медная рыжина, уже отросшая у корней седая. Глаза — выцветшие, водянисто-голубые, но с таким прицелом, будто она целится в тебя из рогатки.

— А бабушка? — спросил Леша.

— В больнице. Вчера увезли. Скорую вызывали, да поздно было, ты ж знаешь, у нас скорая — как лотерея. Повезли

в областную. Я тут вещи собрала, поеду к ней через час. А ты — молодец, что приехал.

— А вы кто?

— Я — Марфа. Подруга бабки твоей. Сорок лет дружим. Садись, чай горячий, пирог с капустой. Ты ведь Леша? Вылитый отец. Царствие ему небесное...

Леша сел. Есть не хотелось. Он вытащил из кармана орех, положил на стол.

Марфа посмотрела на орех, усмехнулась, и папироса качнулась в углу рта.

— А, этот. Ну-ну. Бабка твоя, знаешь, какая была? Не была — есть. Есть еще бабка твоя, не хорони раньше времени. Вона как борется. Сказала: «Пока орех не расколется, я не умру». И врачам назло — живет уже вторую неделю после того, как отказали почки. Представляешь?

Леша не представлял. Медицину он знал плохо, но почки — это серьезно. Или нет?

— А что за орех? — спросил он. — Обычный ведь.

Марфа выпустила дым в приоткрытую форточку. За окном накрапывал дождь, и капли влетали внутрь, шипели на горячей плите.

— Необычный. Твоя бабка — она из рода знахарок. Не тех, что с погремушками и заговорами на угли, а других. Молчаливых. У них сила в руках была. И этот орех... он, как бы сказать... он ядро проклятия хранит. Или благословения. Тут уж как повезет.

— Какого проклятия? — Леша почувствовал, как затылок покрывается холодным потом. Ему всегда было страшно, когда бабушка начинала «чудить». Но бабушка была мягкая, добрая, вязала крючком салфетки. А тут — Марфа с папиросой и странные слова.

— Такого, что весь ваш род по мужской линии перебило. Твой отец — погиб. Его отец — пропал без вести на войне. Прадед — на гражданской. А до того — еще дальше. Шестеро мужчин, Лёша. Шестеро. Все Гореловы уходили рано, без наследников, без завещаний. Один ты остался. И бабка твоя решила: либо ты орех этот раскусишь, и проклятие спадет, либо...

— Что — либо?

— Либо ты седьмой. И тогда конец вашей фамилии.

Леша засмеялся. Нервно, отрывисто, как тявкает маленькая собака. Ему было шестнадцать, он учился в физмат-классе, верил в теорему Пифагора и закон Ома. Проклятия? В двадцать первом веке?

— Не смешно, — сказала Марфа. Она погасила папиросу о донышко чашки, хотя пепельница стояла рядом. — Я сама не верила, пока не увидела. Давай чай пить. А потом пойдем в больницу. Бабка тебя ждет.

Они пили чай. Пирог действительно был вкусный — слоеный, с капустой и яйцом. Леша съел два куска, сам не заметив. Мысли путались. Орех лежал на столе, между солонкой и хлебницей, — маленький, морщинистый, совершенно безобидный. И в то же время — нет. Было в нем что-то тяжелое, как будто внутри не ядро, а свинец.

Марфа, глядя на него, вдруг сказала:

— Попробуй расколоть сейчас. Руками.

Леша взял орех. Сжал. Скорлупа не поддалась. Он сжал сильнее — до хруста в пальцах. Ни трещины.

— Я не могу. Слишком твердый.

— Твердый, — согласилась Марфа. — Но не поэтому. Не скорлупа твердая, Лёшенька. Обстоятельства. Или ты сам. Орех дает себя расколоть только тому, кто готов узнать правду.

— Какую правду?

— А вот это ты у бабки и спросишь. Пошли, автобус через полчаса.

Они вышли из дома. Дождь перестал, но небо висело низкое, свинцовое. Леша сунул орех обратно в карман. Марфа заперла дверь на висячий замок, ключ положила под коврик — «так надежнее, воры наш дом и так обходят стороной, боятся».

У остановки стояли. Марфа молчала и курила. Леша смотрел на мокрые листья, на галок на проводах, на троллейбус с надписью «Вологда — город, где дышит история». И думал: а что, если? Что, если есть что-то за гранью физики? Что, если отец погиб не просто потому, что пьяный водитель вылетел на встречку, а потому что... орех?

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.